

ԲՏ

Ашот Аветисян

ТЕТУШКА АНАН ИЗ ЧЕГЕМ-ԲՏՆԻ, ИЛИ СЕМЬ ДНЕЙ В РАЮ

экспериментальные исследования
национальных культур

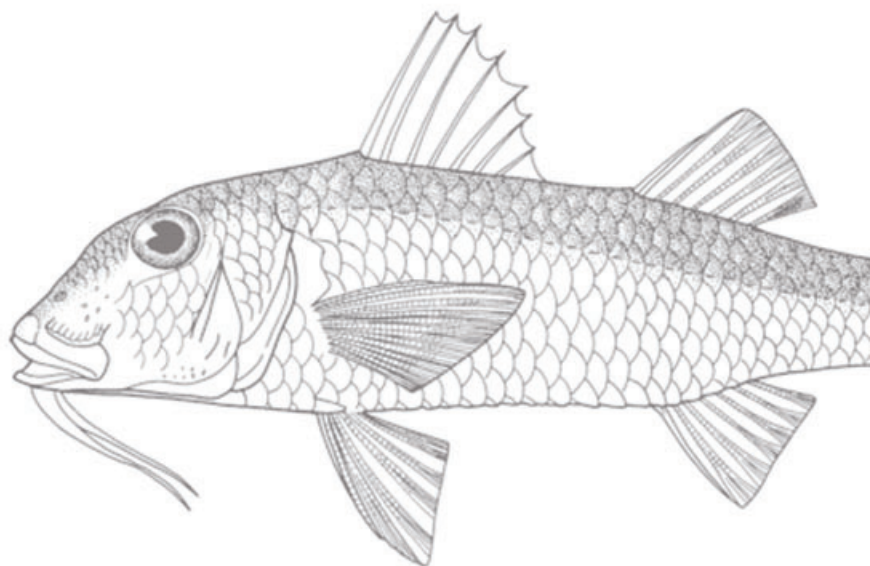

Mulle rouget (Mullus barbatus Linn.) 1/2 gr. nat.

Ашот Аветисян

ТЕТУШКА АНАН ИЗ ЧЕГЕМ-**П**СНЫ, ИЛИ СЕМЬ ДНЕЙ В РАЮ

экспериментальные исследования
национальных культур

2016

День первый

Первое утро в Чегем-п^ьсны нас встретило ласковым щекотаньем лучиков, прорвавшихся сквозь плетенные из рододендрона стены абхазского бунгало *акуацв* (буквально – «остроконечный») – гостиницы *асасааирта* с названием-палиндромом «a-spa arsa», расположившейся в реликтовой пихтовой роще.

Слева пихты и кедрачи, ломая друг другу ребра, тянули головы в небо. Небо чистое – ни одной тучки, воздух крепкий и вкусный, как молодой сыр из молока черных буйволиц, названный почему-то именем абхазского быка (*амца*) – *амцарелла* и подаваемый на завтрак хозяйкой *асасааирта* тетушкой Анан на самшитовой дощечке с потрясающим ореховым маслом *ашларкунта*.

Справа на склоне паслись коровы, выше – лошади, еще выше – козы, а еще выше – туристы, кривляясь, старательно позировали для всевозможных сэлфи, окружив холощенного козла с бородкой, отсылающей нас в счастливую юность к брутальному обаянию участников блюз-рок-группы ZZ Top.

Семь свежеприготовленных блюд на завтрак – давняя традиция тетушки Анан, переданная ей древнейшим абхазским родом Ануа.

Одной круто сваренной просяной каши *абыста* в принципе достаточно, чтобы, подобно верблюдам-дромедарам, навьючив на себя более половины собственного веса, без еды и воды неделями бороздить пустынные просторы африканских саванн. Однако А^псны – не Африка, и саванн здесь нет.

Поэтому более разумным здесь представляется наслаждение неторопливо исполняемыми чудесами кулинарии тетушки Анан, сопровождаемыми такими же ее чудесными и увлекательными рассказами.

Грушевидные хлебцы тетушка Анан запекла с медом *ачац*, по ходу вспомнив историю о «неправильных» пчелах, которые делают «неправильный» мед и неуловимом абреке Щащико, которого около полугода полуголодные меньшевики-эндурцы, выманивали из дремучего леса, а потом траванулись то ли ядовитыми травами, то ли «неправильным» медом из рододендрона, и посему, отчаявшись, вернулись к своим недостойным мерзопакостным делишкам.

Сытным оказалось и замечательное блюдо *ачамыква*: трехдневный сыр *ашвадза*, нарезанный небольшими кусочками в слегка подсоленное кипящее молоко с добавлением кукурузной муки.

Блюдо из фасоли *акудча^та*, заправленное тертым орехом и смесью из семи трав долго и медленно томилось у очага в специальных глиняных горшочках *акуц^ьал*, так что у тетушки Анан было достаточно времени, чтобы поведать нам еще несколько занятных историй.

Одна из этих историй была посвящена браку неудавшегося абрека-племянника, который после переговоров и передачи чучела дрозда через посредника (*акъабъариа*), устроил тайный увод невесты по их взаимной договоренности и при молчаливом согласии родителей девушки, а когда через несколько месяцев отец жениха приехал в дом девушки, чтобы договориться о сроке взятия невесты (*аехвараџтсвара*), девушка по традиции скрылась от будущего свекра и от своих старших родственников, да так, что ее мобильник, оказавшись вне зоны домашнего Wi-Fi, был переадресован на роутер близкого приятеля (не из представителей ее материнской линии) под именем «мужчина-товарищ» (*ахацаюыза*), состоявшего по иронии судьбы в списке друзей жениха (*атацаагацва*) и доводившегося побратимом главы свиты (*аихабы*), который сопровождал молодоженов в «большой дом», где была зарезана жертвенная курица «для размножения рода» (*ажъахара*), а «чистая женщина» (женщина пожилого возраста) произнесла молитву...

Немногое из того, что нам удалось переварить вместе с фасолью – это то, что на свадебном пиршестве присутствовало около полутора тысяч человек, счастливые молодожены поселились в сплетенном из молодой виноградной лозы специальном домике для новобрачных *амхара*, расположенном в укромном тихом уголке усадебного участка вдали от большого шумного семейства жениха, и поэтому в переводе означающем «не слышание».

Главный же вывод из «у-слышанного» заключался в том, что досвадебные, предсвадебные, свадебные и послесвадебные циклы абхазских традиций – это сложное сплетение полуобоснованных-полуиррациональных действий и ритуалов, запомнить и соблюдать которые могут только одержимые и одаренные люди.

В качестве закусок были предложены свежие побеги держидерева *абырчман* и вареный укроп *акамачаџа*, на десерт – жаренные в масле каштаны с абхазской сметаной *ачаюыр*, бродившей в течение полутора недель в бурдюке, подвешенном недалеко от семейного очага *ахуштаара*, название которого буквально переводится как «место дележа пищи».

Насытившись семью абхазскими блюдами и захватывающими рассказами тетушки Анан, мы отлипли от гостеприимного стола, тем более нас вечером ожидал приготовленный на вертеле козлик, отрубленную голову которого нам как бы невзначай продемонстрировал сын хозяйки – долговязый подтянутый юноша с крепкими стальными кулачищами, смахивающими на ковш японского экскаватора Komatsu PC 777.

На выходе из *анацха*, увитого лозой винограда *качич* – обеденного зала, плетеного из веток азалии, для постояльцев *асасааирта*, нас приветствовал приглушенный хруст ежевичных кустов, из-за которых доносилось трепетное дыхание какой-то живности.

Это была полусухая-полусырая корова с цейсовским биноклем на шее, переданным ей в наследство по материнской линии от прапрабабушки, которой он достался от хозяина по имени Сандро из Чегема, получившего его в качестве вознаграждения из рук самого принца Ольденбургского за поимку сбежавшего и возврат несколько придушенного, измазанного в собственном помете черного гагринского лебедя, в увенчивающем божественную шею глупеньком глазе которого сосредоточилась вся тупость эндурского племени.

Корова же взирала на нас своими флегматично-печальными коровьими глазами, в которых одновременно прочитывались и напористая решительность, и мягкое спокойствие безмятежного окружения благоухающего сада: акация серебристая, которую мы ошибочно называем мимозой, японская мушмула, «железные яблоки», хурма, киви, инжир, гранат, фейхоа, персики, груши, айва, цитрусовые (лимоны, мандарины, апельсины, грейпфруты, помпельмус), орехи пекан, конфетное дерево, тюльпанное дерево, лаковое дерево, мыльное дерево, олеандр, магнолия, благородный лавр и вульгарный лопух, из которого при определенных навыках можно добыть вкусный прохладительный напиток.

Заглянув по дороге в забегаловку с названием-палиндромом «ача-чача», которое можно перевести как «хлеб да водка», мы отметили для себя, что помимо хлеба *ача*, здесь можно вкусить любые абхазские яства, а водка *чача*, разливаемая из небольших каштановых бочек с краником, представляла собой полубожественную-получеловеческую продукцию приусадебных хозяйств абхазских «самогонщиков». С «фирменных» этикеток, наклепленных на бочки, улыбались умиротворенные лица земледельцев, успевших отведать крепкие продукты личного винокурения: айвовая (*абиа*) чача Габлия, персиковая (*атама*) чача Тамбия, тутовая (*амжва*) чача Бжалава, черешневая (*аца*) чача Цаава, гранатовая (*амыцмыц*) чача Жоржолиани&Джинджолия Co. Ltd. и др.

Запасшись на случай преждевременного похмелья пузырем армянского кисломолочного напитка *тан* и двумя бутылками сухумской воды «aquAkku», вытеснившей с мирового рынка французские «Evian» и «Perrier», мы решили направиться в сторону площади Семи добродетелей, где предполагался старт праздничного действа «Изготовление меча из необычного железа», связанного с абхазским культом трех составляющих сакральной кузницы: наковальни, клещей и молота – «трех рук» (*ахнапик*).

На празднике всегда присутствовали представители «Книги рекордов Гиннесса», которые вот уже несколько лет регистрировали самопобиваемый рекорд чегемпснйцев: самый большой меч, изготовленный за самый короткий срок, самым большим количеством людей.

Табло, информирующее жителей и гостей Чегем-п̄сны о «настроениях природы», обещало на вечер не самые утешительные прогнозы: дождевые тучи (*ап̄стхва*); мелкий дождь (*аккуап̄сата*) с громом (*афы*) и молнией (*амацвыс*).

Тетушка Анан нам настоятельно рекомендовала во время молнии быть на площади Алабашья, где можно стать свидетелями завораживающего действия – древнейший посох с железным наконечником, атрибут президентской власти и символ государственной мудрости *алабашья* принимал в прямом смысле на себя удар молнии, возжигался «небесным огнем» и генерировал «оживление» уникального арт-объекта, символизирующего нашу планету.

С пристани раздался традиционный выстрел шомпольной пушки – начало в полдень всечегемп̄снынского застолья и напоминание о времени кормления пеликанов и цапель обезглавленными ставридами.

Первым хлопками пушечного залпа первобытного клюва диморфодона отхарчевался крупный самец, и, расправив мощные крылья розового мрамора, застыл в позе логотипа города-побратима Чегем-п̄сны, частично признанного острова-города-государства Pelec-anus – захолустной «дыре», растворившейся в безбрежных водах мирового океана. А почему «частично признанного» – в силу каких-то местных аномальных явлений, остров не распознавался системами 7G, а делегации, высланные другими странами в качестве дипломатических миссий, каким-то образом оседали на райском побережье, прекратив какую-либо связь с материковой цивилизацией.

Тем временем чегемп̄снынский дочерний ресторан «Гагрып̄ш», за свою недолгую историю уже успевший удостоиться семи мишленовских звезд, был во всеоружии готов к кулинарному разврату, ожидавшему высокопоставленных гостей саммита «АбхаАзия-Европа», а его легендарный шеф-повар Саро из Алахадзы – поселка, в переводе с абхазского означающего «Родник у инжира», возился с никак не уравнивающимся на голове накрахмаленным колпаком высоты средней водонапорной башни, врученной ему в качестве короны короля кулинарии гением локаворского движения Диего Хосе Франсиско Хуан Непомусено Мария Руис Ремейдос Гонсалес Патрисио Лос де Калабасин по прозвищу «Кабачок» (исп. «Calabacín»).

В последние годы Ап̄сны прочно зарекомендовала себя в роли мирового центра локаворства (англ. *local* – местный и лат. *vorare* – есть), особенностью которого являются используемые в еде продукты и ингредиенты, выращенные и произведенные в радиусе не более 150 км, для Ап̄сны – сущий пустяк.

Ведь Ап̄сны не такая уж большая страна – в народе говорят: «Ап̄сны ауапа тацвк иакароуп...» («Абхазия размером с подол бурки...»). И тут же во второй части фразы подчеркивают ее величие: «...аха ламысла идууп» («...но она велика совестью») – слова достойные мудрого народа.

Местная же живительная вода (*аңсы*) и благодатная почва (*анышев*) – это земной рай для животного и растительного мира – «всего живого» (*ңс*), к которому, впрочем, принадлежим и мы с вами – *аюы* («человеки»), для которых в *Аңсны* организован пока единственный в мире Фонд защиты человека «*Ауаюы дуаоуп*» («Человек есть Человек»).

В *Чегем-ңсны* вновь появились розовощекие ангольские попугайчики и африканские мартышки, адаптировавшиеся к местному климату и местным охотникам, восприятие которых резко сменилось от неприязни к уродливым первобытным существам к милости забавных «двуногих друзей».

На рыбных рынках *Аңсны* появились культивированные в специальных водоемах мурена, рыба-попугай, баррамунди, платиновая арована, жемчужный скат и редчайший осетр-альбинос, мечущий самую дорогую в мире белую икру.

Имея в распоряжении богатейшую коллекцию эндемичных продуктов, в *чегемңснынском* дочернем ресторане «*Гагрыңш*» Саро из Алахадзы возродил древнюю имперскую кулинарию времен Вителлия и Ангкорской Камбоджи правителя Джаявармана Второго: блюда из павлиньих мозгов, молоки мурен, языков фламинго, вяленного мяса окапи, оплодотворенных зародышей марабу, глаз тунца, ядовитых тарантулов и т. п.

Коронным же яством *чегемңснынского* дочернего ресторана «*Гагрыңш*» являлось блюдо «Двенадцать знаков зодиака», которое готовилось один раз в году во время праздника *Ажбырныхуа* (День сотворения мира) лично Саро из Алахадзы по уникальным эндемичным рецептам.

На большом самшитовом подносе по зодиакальному кругу выставлялись: у Овна – баранья нога, запеченная в рукаве с пряными травами и бараньим горохом *нут*; у Тельца – телятина, фаршированная черносливом и мушмулой, вымоченной в настое лавровишни; у Близнецов – бычьи тестикулы (яички) в гречневом пиджаке с трюфелями; у Рака – микс-салат из нежных раковых шеек и ногохвосток *abchasicus*, томленных в лавровом бульоне; у Льва – королевские креветки-гриль, настоянные на свежем экстракте королевских лилий; у Девы – маринованная матка неопоросившейся свиньи с подливой из диких желудей; у Весов – настоящие весы с перечным соусом *анырпыл-цъыка* и ореховым соусом *арашихсыдзбал*; у Скорпиона – жульен из самок императорских скорпионов (*Pandinus imperator*) с виноградными улитками; у Стрельца – горячий салат из пернатой дичи (чебис, казарка, кеклик, улар) с печеными в меду «железными яблоками» *аихацва*; у Козерога – молодой козленок на вертеле, выдержанный в вине *качич* с тертым сыром *амцарелла*; у Водолея – тушка *аңслы* («водяная собака» – выдра), запеченная в фольге с майораном и инжиром; наконец, у Рыб – пара рыб-попугаев неразлучников с рататуюем из баклажан и авокадо на пару.

Из всех этих «рыб-попугаев», «водяных собак» самое странное название у морских свинок, имеющих уж очень отдаленное отношение, как к морю, так и к свиньям – обычные грызуны, правда, с аппетитной тушкой, в которой еще древние инки усмотрели ценный источник мяса.

Этот полудикий-полудомашний деликатес европейцы тоже изначально употребляли в пищу и называли просто «свинкой» – то ли из-за вкусовых качеств, то ли по причине издаваемых свинками звуков очень схожих с хрюканьем хряков.

Ну а приставка «морская» пристала к «свинкам» намного позднее в силу их «за-морского» происхождения.

Заморские корни и у названия безусловного лидера абхазских рыбных яств – *барабульки*, которое произошло от средиземноморского слова *barabunia*, восходящего к латинскому *mullus barbatus*, дословно – «краснобородка».

Для *Ап̣сны*, учитывая существующий у *ап̣суа* культ козла, возможно, приемлемым было бы и другое название бородатой рыбки – *рыба-козел*, очень распространенное в регионах Индийского океана и у западных берегов Африки. Хотя, с другой стороны, исходя из логики культа как такого – не каждая тварь достойна носить культовое имя «козел».

У барабульки есть и другое, не менее «культовое» имя – *султанка*. Во времена Османской Порты весь богатый улов этой рыбки предназначался исключительно ко двору султана.

Задолго до этого извращенные чревоугодством римские патриции перед убиением рыбки прямо посреди пиршества, велели поварам приносить ее в специальном прозрачном сосуде в трапезную, где любовались изменением окраса рыбы *in articulo mortis* – в момент агонии. Сенека даже писал по этому поводу: «Нет прекраснее зрелища, чем “краснобородка”, умирающая в агонии. В борьбе со смертью она приобретает пурпурный окрас, переходящий в общую бледность...» – а мы удивляемся как в «цивилизованной» Европе в зоопарке Копенгагена на глазах у детей был хладнокровно зарезан молодой здоровый жираф Мариус только потому, что ему не нашлось пары (!?)

Отведав нежный вкус парочки барабулек, приготовленных на наших глазах из свежего утреннего улова, разложенного на ледяной горке вместе с аппетитными лимонами и пряными травами, мы наблюдали за увлекательным и созидательным действием «Изготовление меча из необычного железа», развернувшегося на площади Семи добродетелей.

Праздничная обстановка со множеством импровизированных *апацха* и лавок, продавцов *ап̣снышек*, гадалычиков на кофейной гуще, разносчиков воды, сказителей нам очень напомнила площадь Джемаа аль-Фна в Марракеше.

Там каждый день, после пяти часов вечера пустующая до этого времени площадь преобразается в пространство феерического праздника.

В **Ап̣сны** тоже каждый день – праздник. Устраиваются они не только на семи площадях **Чегем-п̣сны**: Семь добродетелей, Семь аятов, Семь заповедей, Семь дней Творения, Семь дней недели, Семь музыкальных нот, Семь цветов радуги, но и по всей стране – во всех семи исторических регионах.

Проводятся праздники под божьим наблюдением помощников Создателя **Анцва** – *ашацва* («распорядители») и *ачапацва* («чеканщики» – исполнители). Количество *ашацва* столько же, сколько в году дней. Каждый из них обязан нести «дежурство» по миру один раз в год. А чтобы один из них не остался без работы, в **Ап̣сны** каждые четыре года устраивается единственно масштабный международный праздник «а-29 февраля».

Так или иначе 29 февраля локально отмечается в различных местах и разными сообществами: у католиков – день памяти Освальда Вустерского; у православных – день памяти Иоанна Кассиана, «Касьянов день»; по-своему его празднуют приверженцы пародийной религии дискордианства и оверклокеры – «разгонщики компьютеров».

Согласно мнению специалистов, если к 3328 году будет существовать человечество и григорианский календарь, то за 3328 лет новой эры накопится ошибка в один день, в результате чего может быть принято решение сделать в этом високосном году 367 дней. Следовательно, появится день 30 февраля, а где по этому случаю будет устроен праздник, можно догадаться.

На площади **Агъагъа Акъакъара** («площадь круга») площадью 777 кв. м со скульптурной композицией «**ПиRквadrat**», располагалось очень затейливое в плане полукруглое-полуквадратное сооружение – Дворец Нарды.

Нарды – древнейшая восточная игра, в которую люди играют уже более 5000 лет – самая древняя из досок была найдена на территории Ирана и датируется около 3000 годом до н. э. Аналог этой игры обнаружен и в гробнице фараона Тутанхамона (XIV до н. э.).

Легенда «Чатранг-Намак» гласит, что некогда индийцы, желая проверить сметливость персов, послали им комплект шахмат, полагая, что те не догадаются, как играть в эту сложную игру. Персидский мудрец Бузургмехр не только легко справился с этой задачей, но и предложил свою, которую индусы никак не могли разгадать за 40 дней. Бузургмехр придумал и послал своим оппонентам нарды, что в переводе с парфянского означает «храбрый Ардашир» – *нэв-ардашир* (в честь основателя династии Сасанидов Ардашира I).

Во Дворце Нарды проводился полулегальный-полуподпольный чемпионат мира по чегемп̣снынским нардам, бесспорным фаворитом которого являлась сухумская команда «Брехаловка».

Удары передвигаемых шашек, особенно когда они ложились на битые, шелкали, как бичи братьев Запашных, умиряющих полосатых питомцев.

Из зала доносилось рядовое «*щацъ у ду*», (выпавшие на костях «шесть» и «два»), удачливое «*ду-щацъ*» (две «шестерки») и счастливое «*ду-бжь*» (две «семерки») – в местных чегем^пснынских нардах игральные кости представляли собой не традиционные шестигранные кубики – *гексаэдры*, а *додэкаэдры* (двенадцатигранники), с нанесенными на них, как в домино, «пустышками» и со священной для абхаз цифрой семь (*абжь*). И ячеек на полях таких нарда было тоже не по шесть с каждой стороны, а семь.

Время от времени зал взрывался победоносным кличем «*оин!*» («партия!») и триумфальным «*марс!*» («двойная партия»). При этом представители спонсора чемпионата – транснациональной корпорации Mars сразу же преподносили триумфатору семидесяти семи сантиметровой шоколадный «батончик» Mars, изготовленный из эндемичных сортов абхазских какао-бобов.

Игрок, собравший на чемпионате семь таких «конфетин», удостоивался семидневной семейной путевки на некогда вымышленный, а сегодня уже реальный остров райского наслаждения Bounty, выкупленный недавно у хакима Бахрейна Хамада ибн Иса Аль Халифа на равных паях мэрией Чегем-^псны, корпорацией Mars и сухумской кондитерской фабрикой «Аккуа-Сосоа».

Тем временем к чегем^пснынскому дочернему ресторану «Гагры^пш» подъехал кортеж дружественного государства-архипелага Moka^пlamolelola, что в переводе с местного наречия ифе йорубской ветви бенуэ-конголезской семьи африканских языков, дословно переводится как «Одиннадцать родимых пятен на чреслах Его Величества».

Носитель этих родимых пятнышек, Его Величество король Абдусалам Абубакар Мохаммаду Обасанджолола и возглавлял дружественную делегацию страны «одиннадцати родинок», как ее в шутку в неофициальных кругах, за игрой в нарды называли особо приближенные.

Счастливая звезда обладателя одиннадцати счастливых родинок зажглась еще в 1976-ом, когда абсолютно реальная историческая личность, с совершенно конкретным реальным именем, в котором случайно и далеко не по реальному стечению обстоятельств смыслово сошлись три русских слова – подполковник Бука Сука Димка, расстреляв кортеж президента Нигерии Мурталу Мухаммеда, предпринял попытку госпереворота, но вскоре был свергнут и расстрелян.

Сменивший его Мэтью Олусегун Арему Обасанджо по отцовской ветви йоруба приходился родственником будущему королю будущей независимой страны «одиннадцати родинок», который в тревожный для страны период оказался в первых рядах ополчения против мятежных сил Бука Сука Димки.

Через одиннадцать лет после этих событий представители правящей в Нигерии династии йоруба в одиннадцати родимых пятнышках своего бравого родственника рассмотрели точную копию расположения одиннадцати малых полуобжитых-полунеобитаемых островов, полуофициально-полупонятно относящихся к территориальным владениям страны, и, трактуя это, как знак свыше, направили туда «меченного», который с энтузиазмом Петра Великого превратил полузабытый-полущёкакойто архипелаг в процветающий край-рай, и с благословения материковых покровителей основал там свое королевство.

Во всей этой полусказочной-полуреальной истории, услышанной нами от той же тетушки Анан, осведомление которой распространялось не только на каждого жителя Чегем-псны, но и Апсны, к тому же – на всех приезжающих в страну мало-мальски известных гостей, для нас загадочным остался один вопрос – бывают ли вообще у негроидной расы родинки?

Для ответа, наивно обратившись на интернет-форум ответы@mail.ru, мы получили следующие одиннадцать ответов.

борисовна: бывают, только они с кожей сливаются...

love: точно бывают, сама видела :)

доля: бывают, но из-за цвета кожи они всегда на нелегальном положении_оракул: полуадекватный-полунекорректный вопрос) –;

равшан: а патом можно будит пра мангольскую расу тожэ спросить?

dimon: бывают, просто у негров меньше заметно -|-

профи: невусы, как называют родинки врачи, «произведения» клеток меланоцитов, тех самых, которые отвечают за пигментацию, вот почему они бывают разного цвета: от телесного до черного, хотя встречаются и экзотические оттенки, например голубые...

reggae: вы ваще о чём там в натуре, чё за нигеры, чё за голубые???

асида: что за глупости, конечно, бывают, даже у эндурцев есть)))

киноман: видимо – да, у Лоуренса Фишборна (который играл Морфеуса в Матрице) дефекты кожи лица... остальных не припомню...[.]

marina groznaya: полно... естественно, бывают, что негры не люди!!!

Пополнив таким образом наши познания о негроидной расе, меланоцитах и невусах, любуясь сединой легендарной горы Кавказского хребта Ерцаху и полностью ощущая себя полноценными представителями *кавказской расы*, как кстати в большинстве зарубежных учебниках именуется *европеоидная раса*, мы держали путь в сторону *асасаурта* тетушки Анан, где помимо козленка на вертеле нас ожидали уникальные расслабляющие процедуры «a-spa arsa».

Пихта (*аҧса*) – священное для аҧсуа дерево, которое еще в древности родственные абхазам племена считали своим тотемным духом – покровителем.

Натуральные косметические средства (питательные маски, масла, крема, шампуни, настои, экстракты и т. п.), на основе которых построены процедуры в «a-spa arsa», по старинным рецептам, восстановленным с исследовательской тщательностью, изготовлены из «субпродуктов» пихты: побегов, коры, шишек, смолы и т. д. В основе процедур ароматотерапии (лат. *aroma* – запах; греч. *phitos* – растение и *therapeia* – лечение) – ароматические вещества, созданные на основе эфирных масел пихты. Очистка и улучшение качества воздуха в помещениях «a-spa arsa» – аромаклининг (лат. *aroma* – запах; англ. *cleaning* – очистка) также производились на основе этих веществ. При этом удушающего эффекта всеохватывающего молекулярного вторжения в организм, которым грешит большинство ароматических средств, абсолютно не наблюдалось.

Напротив – свежая осознанная трезвость и **оживление**. Не без основания в Аҧсны говорят: «Apsny – veni, vidi, vive» («Апсны – пришел, увидел, ожил»).

Собственно, **ожив** уже в первый же день пребывания в Чегем-пҧсны, мы с великим предвкушением еще шести дней, просмотрели короткую программку, прикинутую нами, не без сердобольного участия тетушки Анан:

День первый: Праздник *ахнапык* («три руки» – наковальня, клещи, молот) – «Изготовление меча из необычного железа»; попробовать свежие *барабульки* и гранатовую *чачу* Жоржолиани&Джинджолия Со. Ltd.; абхазские нарды; +

День второй: Праздник реки Бзып – съездить на рыбалку, приготовить семичастную уху из форели-пеструшки, кавказского голавля, колхидского усача, подуста, уклеи, амурского быстряка (взять с собой теплые вещи);

День третий: Праздник Сатаней-Гуаши и Сасрыквы – праздничное действо «Перебрасывание нартской скамьи через дом»; показ этнических коллекций художницы и дизайнера Эльвиры Арсалия; купить «*аҧснышки*»;

День четвертый: Праздник божеств охоты Ажвейпшаа – соревнования по стрельбе «Шуки-ирпҧсоу ахы затцв» («Одна пуля вместо ста»); спектакль режиссера Алхаса Шамба «Лесная сказка» (контрамарки взять у тети Наалы);

День пятый: Праздник пещеры Крубера-Воронья – участие в абхазском квесте *амба* («финиш»), проводившемся в самой глубокой в мире пещере; там же посетить художественную выставку Дианы Воуба «Дыхание Пещер»;

День шестой: Праздник божеств лесов Абна Инцваху – состязания по дальности расстояния разговора на «охотничьем языке» *апчарах ацважв*; попробовать *вальдишнепа*, тушеного с можжевельниковыми ягодами;

День седьмой: Праздник *аргьа шьапы* («правая нога») – день вставания с правой ноги и делания «чего хочешь»; вечером чегемпҧснынская авиакомпания «A-Wings in Paradise» («Крылья в Рай») унесет нас из рая домой...